

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 15.

1871 г.

Августа 1-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

О книгѣ, подъ названіемъ: «Божественная литургія», составленной священникомъ Московской Николаевской, что въ Толмачахъ, церкви Василиемъ Нечаевымъ.

Книга священника Нечаева была уже отпечатана по частямъ въ журналѣ «Душеполезное чтеніе» за 1868 и 1869 г. Согласно съ своимъ названіемъ, она заключаетъ въ себѣ не весь курсъ ученія о Богослуженіи, а только одну часть онаго, именно: объясненіе Божественной литургіи по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василия Великаго, со всѣми тѣми измѣненіями, какія бывають въ ней въ теченіе годичнаго церковнаго круга. Цѣль, которую авторъ имѣлъ въ виду при изданіи своего сочиненія, состоитъ, по его словамъ, въ томъ, чтобы дать любителямъ духовнаго чтенія практическое руководство къ повиманію литургіи, которое (т. е. руководство) въ то же время удовлетворяло бы, какъ онъ говоритъ, и требованіямъ науки.

При сравненіи книги священника Нечаева съ другими существующими сочиненіями о Богослуженіи, въ ней за-

мѣчается та существенная разница, что она занимается истолкованіемъ литургіи въ «ближайшемъ», буквальномъ ея смыслѣ. Авторъ, конечно, не отрицаетъ и таинственнаго, или символическаго значенія богослужебныхъ дѣйствій и обрядовъ, входящихъ въ составъ литургіи, но такое толкованіе не входило въ намѣреніе автора, такъ какъ онъ поставилъ своею задачею раскрыть первоначальный смыслъ составныхъ частей литургіи, на сколько онъ видѣнъ въ самомъ текстѣ ея. При таковой постановкѣ предмета, многіе обряды и священнодѣйствія литургіи получаютъ въ книгѣ священника Нечаева иное значеніе, чѣмъ какое обыкновенно принято соединять съ ними. Такъ малый входъ съ Евангеліемъ, по объясненію автора, означаетъ приближеніе вѣрующихъ, въ лицѣ священнослужащихъ, къ Господу, невидимо сѣдящему на престолѣ, подобное близости къ Нему святыхъ ангеловъ и архангеловъ, которые непрестанно предостоятъ Его престолу. Такому значенію малаго входа соответствуетъ, по замѣчанію автора, и тайная молитва священника предъ вступленіемъ въ алтарь, въ которой онъ молитъ Господа, «устроившаго на небѣ разряды и сонмы ангеловъ и архангеловъ, да содѣлаетъ Онъ, чтобы съ земными служителями Его вступили въ алтарь и ангелы, и приняли участіе въ ихъ служеніи и славословіяхъ, какъ они служатъ и прославляютъ Его на небесахъ» (стр. 113). Великій входъ съ Дарами означаетъ, по толкованію автора, шествіе Христа Царя славы, невидимо присутствующаго въ образѣ св. Даровъ. Священникъ и діаконовъ, несущіе Дары, образуютъ въ это время херувимовъ, на которыхъ, какъ на престолѣ, по видѣнію Іезекіиля, шествуетъ Господь (стр. 174). За тѣмъ въ поставленіи св. Даровъ на

престоль и въ стихахъ, произносимыхъ священникомъ надъ Дарами, авторъ не усматриваетъ символическаго изображенія погребенія Іисуса Христа, какъ это обыкновенно принято объяснять въ нашихъ литургикахъ. «Дары—говоритъ онъ, поставляются на антиминсъ, какъ бы на гробъ Христа Спасителя, изображенный на антиминсѣ; а чтеніемъ стиховъ («Благообразный Іосифъ», «во гробъ плотски» и проч.) воздается, по его словамъ, честь престолу и антиминсу, на которомъ имѣеть быть совершено великое тайнодѣйствіе» (стр. 175). Происходящее при этомъ затвореніе царскихъ вратъ и опущеніе завѣсы объясняется авторомъ не въ смыслъ закрытія гроба Господня и сокровеннаго сошествія Іисуса Христа въ адъ, а «въ знакъ того, что священнослужители, вступивъ въ алтарь, вступили какъ бы въ темную пещеру гроба Господня» (стр. 175). Наконецъ въ совершеніи таинства причащенія авторъ не видитъ указанія на тайную вечерю Іисуса Христа, Его страданія и смерть, а въ отверзтіи царскихъ вратъ и явленіи святыхъ Даровъ—знаменія явленія Іисуса Христа по воскресеніи. Такимъ образомъ, какъ можно замѣтить, священникъ Нечаевъ въ своихъ толкованіяхъ на литургію совершенно расходится съ тѣми общепринятыми на нее воззрѣніями, по которымъ она является изображеніемъ жизни Спасителя отъ Его рожденія до вознесенія на небо. «Подобное значеніе, приписываемое литургіи,—говоритъ онъ,—хотя и назидательно, однакожь большею частію не вытекаетъ изъ самаго ея состава, а только вѣшнимъ образомъ приурочивается къ нему» (стр. 263).

Но здѣсь-то и заключается ошибка автора, задумавшаго представить опытъ истолкованія литургіи въ ближай-

шемъ смыслѣ, безъ всякаго отношенія ея къ жизни Богочеловѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ богослужебныхъ дѣйствій и обрядовъ литургіи съ трудомъ могутъ быть объяснены въ смыслѣ символическаго указанія на жизнь Іисуса Христа, безъ явнаго насилія ея буквальнаго текста. Но этого никакъ нельзя сказать относительно всего состава литургіи вообще и важнѣйшихъ ея священнодѣйствій въ особенности. Большая часть этихъ священнодѣйствій именно таковы, что служатъ, по намѣренію самого Іисуса Христа, нагляднымъ и выразительнымъ напоминаніемъ о важнѣйшихъ обстоятельствахъ Его жизни и смерти, вполне согласнымъ съ буквальнымъ текстомъ молитвъ и чинопослѣдованій литургіи. Поэтому истолкователи Богослужебнаго чина, съ давнихъ уже поръ, не безъ основанія усматривали въ обрядахъ литургіи исторію домостроительства нашего спасенія, совершеннаго Господомъ. Правда, многіе изъ этихъ толкователей заходили иногда уже слишкомъ далеко въ своихъ толкованіяхъ; они нерѣдко приписывали одному и тому же дѣйствию литургіи многоразличныя знаменованія, по своему произволу, безъ соблюденія историческаго порядка въ дѣяніяхъ Спасителя и безъ соображенія ихъ съ самымъ чинопослѣдованіемъ литургіи, какъ это, на примѣръ, можно замѣтить во многихъ мѣстахъ Новой Скрижали. Но священникъ Нечаевъ, желая по видимому избѣжать этой крайности, впалъ въ другую. Онъ вовсе устранилъ изъ своихъ толкованій значеніе Богослужебныхъ дѣйствій литургіи въ смыслѣ изображенія важнѣйшихъ событій изъ жизни Богочеловѣка, и сдѣлалъ это совершенно напрасно, потому что многія изъ богослужебныхъ дѣйствій литургіи могутъ быть ближайшимъ образомъ истолкованы

именно только въ этомъ смыслѣ. Что, напримѣръ, несогласнаго съ буквальнымъ текстомъ литургіи авторъ нашель въ томъ, что малому входу съ Евангеліемъ и свѣтильникомъ приписывается значеніе явленія Спасителя на проповѣдь? Почему онъ думаетъ, что это богослужебное дѣйствіе скорѣе и ближе къ буквѣ положенныхъ въ это время молитвъ изображаетъ приближеніе вѣрующихъ, въ лицѣ священнослужащихъ, къ Господу, невидимо сѣдящему на престолѣ? Если это приближеніе, то къ чему здѣсь шествіе съ Евангеліемъ и свѣтильникомъ, о значеніи которыхъ авторъ не говоритъ ни слова, потому, конечно, что объясненіе этого обряда поставило бы его въ противорѣчіе съ самимъ собою? Еще произвольнѣе и дальше отъ первоначальнаго текста литургіи представляется его объясненіе великаго входа. Великій входъ, по его толкованію, означаетъ «торжественное шествіе Христа Царя славы», но куда и для чего? «Зрѣлище дискаса съ Агнцемъ, продолжаетъ онъ — напоминаетъ зрителю, что Христосъ... грядетъ въ алтарь» (стр. 174). По причина такого шествія всетаки остается непонятною и потому вопросъ: «для чего и съ какою цѣлію грядетъ?» возникаетъ съ новою силою. Между тѣмъ по словамъ церковной пѣсни, весьма сходной съ херувимскою пѣснію и замѣняющей ее въ извѣстное время года, ясно высказывается цѣль такого шествія: «Царь царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ свѣдь вѣрнымъ,» воспѣваетъ св. Церковь въ великую субботу. Что же, послѣ этого, означаетъ великій входъ съ Дарами, какъ не образное, согласное съ ближайшимъ смысломъ литургіи, представленіе шествія Спасителя на страданіе и смерть? Если бы священникъ Нечаевъ принялъ

въ основу своего толкованія такое общепринятое значеніе великаго входа, тогда онъ совершенно прямо, безъ всякихъ натяжекъ и съ логическою послѣдовательностію, могъ бы объяснить весь обрядъ великаго входа, со всѣми его дѣйствіями, какъ сопровождающими его, такъ и слѣдующими за нимъ. Тогда было бы для него совершенно понятно: почему священнослужашіе, при перенесеніи Даровъ, поминаютъ вѣрующихъ молитвою разбойника, обращенною къ распятому Спасителю; зачѣмъ, далѣе, по внесеніи св. Даровъ въ алтарь, читаются стихи «благообразный Іосифъ,» «во гробъ плотски,» свимаются покровы, употребляются ароматы (кадило); для чего наконецъ, затворяются царскія врата и опускается завѣса. Всѣ эти дѣйствія, очевидно, приспособлены къ наглядному изображенію погребенія Іисуса Христа, со всѣми сопровождавшими его обстоятельствами. Между тѣмъ въ толкованіи, предлагаемомъ авторомъ, замѣчается отсутствіе единства и надлежащей послѣдовательности: то въ образѣ Даровъ шествуетъ Царь славы въ алтарь, то Дары ставятся на антиминсъ, какъ бы на гробъ Христа, (откуда тутъ гробъ, когда торжественно грядетъ Царь славы), то чтеніемъ стиховъ воздается честь престолу и антиминсу, а кажденіемъ — св. Дарамъ. Какимъ образомъ изъ всего этого слѣдуетъ, что царскія врата — какъ говоритъ авторъ — затворяются и задергиваются завѣсой въ знакъ того, что священнослужители, вступивъ въ алтарь, вступили какъ бы въ темную пещеру гроба Господня (стр. 175), — понять трудно.

Всѣ эти промахи и отчасти противорѣчія въ толкованіяхъ священника Нечаева произошли не отъ случайнаго недосмотра, а отъ предвзятаго, своеобразнаго взгляда на

литургію, устраняющаго всякое сближеніе ея священнодѣйствій съ важнѣйшими событіями изъ жизни Спасителя. Отъ этого же произошло, между прочимъ, и то обстоятельство, что нѣкоторые обряды литургіи, понятные только въ смыслѣ отношенія ихъ къ дѣяніямъ Богочеловѣка, вовсе оставлены авторомъ безъ объясненія. Что на примѣръ, это значитъ, что священникъ, относя въ послѣдній разъ св. Дары съ престола на жертвенникъ и показывая ихъ народу, читаетъ при этомъ пророческій стихъ 56 псалма: «вознесися на небеса Боже, и по всей земли слава Твоя?» Какой смыслъ имѣютъ здѣсь эти слова? Не ясно ли, что этимъ послѣднимъ актомъ литургіи буквально изображается послѣдняя минута изъ земной жизни Іисуса Христа—т. е. вознесеніе на небо? А такъ какъ послѣдующимъ обстоятельствомъ объясняется предыдущее: то и въ отверзтіи царскихъ вратъ и въ явленіи св. Даровъ, по причащеніи священнослужащихъ, надобно видѣть знаменіе воскресенія Господа и Его явленіе вѣрующимъ по воскресеніи. Но священникъ Нечаевъ, въ силу своей системы, долженъ былъ первое обстоятельство, т. е. отнесеніе св. Даровъ на престоль, съ чтеніемъ пророческаго стиха, оставить безъ объясненія; а послѣднее, т. е. появленіе св. Даровъ народу, по причащеніи священнослужащихъ, истолковать не въ смыслѣ явленія Іисуса Христа по воскресеніи, а просто въ смыслѣ явленія Его въ Пречистыхъ Тайнахъ (стр. 253, 245). Такимъ образомъ «опытъ истолкованія литургіи въ ближайшемъ смыслѣ», представленный священникомъ Нечаевымъ, можно назвать вообще неудачнымъ и одностороннимъ, по его идеѣ и выполненію, такъ какъ многія изъ священнодѣйствій литургіи тогда только и получаютъ свой

настоящій смыслъ, если ихъ объяснять ближайшимъ образомъ примѣнительно къ обстоятельствамъ жизни Искупителя; но такое воззрѣніе на значеніе Богослужебныхъ дѣйствій литургіи преднамѣренно опущено авторомъ изъ виду и замѣнено такими толкованіями, которыя скорѣе можно бы назвать толкованіями въ «дальнѣйшемъ», чѣмъ «въ ближайшемъ смыслѣ».

При всемъ томъ, толкованіе буквального текста литургіи, молитвъ и пѣснопѣній, входящихъ въ ея составъ, отличается у автора особенно полнотою, обстоятельностью и точностію, такъ что въ этомъ отношеніи опытъ его принадлежитъ едва ли не къ лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ у насъ сочиненій, по части объясненія литургіи. При своихъ толкованіяхъ священникъ Нечаевъ перѣдко обращается къ историческимъ указаніямъ и къ греческому тексту, и на основаніи оныхъ опредѣляетъ ясный и точный смыслъ того, или другаго молитвословія и пѣснопѣнія. Особенно хорошо объяснено имъ буквальное значеніе каждаго прошенія эктеніи, каждаго прокимна и антифона, каждой молитвы и возгласа, читаемыхъ и произносимыхъ священнослужителями. Впрочемъ и здѣсь въ двухъ-трехъ мѣстахъ встрѣчаются нѣкоторыя неточности. Такъ напримѣръ возгласъ: «премудрость, прости», часто повторяемый на литургіи, авторъ объясняетъ не вполне вѣрно. По его толкованію, этимъ возгласомъ напоминаетъ слушателямъ, чтобы они при чтеніи Слова Божія и при важнѣйшихъ дѣйствіяхъ Богослуженія имѣли «духовную предусмотрительность (премудрость) и бдительность (прости)» (стр. 114, 149). Но основательнѣе поступаютъ тѣ изъ толкователей литургіи, которые относятъ возгласъ «премудрость» не къ

тому, чтобы слушатели были предусмотрительны и бдительны (это выражается словом «прости»), а къ указанію на премудрость, имѣющую быть предложенною имъ въ изреченіяхъ Св. Писанія, или въ символическихъ дѣйствіяхъ Богослуженія. Далѣе, эктевія, извѣстная подъ именемъ «великой», называется у автора «мирною», вѣроятно на томъ основаніи, что она начинается словомъ «миромъ» и что въ ней часто повторяется это слово. Но такое своеобразное названіе едва ли умѣстно и необходимо для существа дѣла. Оно предполагаетъ, какъ будто прочія эктевіи, употребляемыя на литургіи, «не мирныя» или «безмирныя», или такія, которыя можно возсылать Богу, не имѣя мира въ душѣ и не нуждаясь въ мирѣ съ Богомъ. При чемъ, если уже авторъ хотѣлъ быть послѣдовательнымъ, тогда ему слѣдовало бы назвать малую эктевію, составляющую сокращеніе великой «малою мирною эктевіею»; между тѣмъ у него она называется просто «малою эктевіею». Наконецъ авторомъ дано не совсѣмъ точное опредѣленіе литургіи. «Божественною литургіею—говоритъ онъ—называется та церковная служба, въ которой священнодѣйствуется таинство тѣла и крови Христовой» (стр. 1); но ему надлежало бы дополнить: «и приносится безкровная жертва за живыхъ и умершихъ». Этою послѣднею чертою православная литургія существенно отличается отъ протестантской мессы, на которой тоже «священнодѣйствуется таинство тѣла и крови Христовой»; но которая совершается только для причастниковъ; между тѣмъ какъ православная литургія совершается не тогда только, когда есть причастники въ храмѣ, но и тогда, когда ихъ вовсе нѣтъ, кромѣ одного священника. Почему? Именно потому, что наша литургія есть такая цер-

ковная служба, на которой не только совершается таинство причащенія, но и приносится спасительная жертва за живыхъ и умершихъ. За исключеніемъ этихъ незначительныхъ неточностей, все остальное въ книгѣ священника Нечаева изъяснено правильно и согласно съ буквальнымъ смысломъ литургіи. Языкъ книги правиленъ, точенъ и понятенъ для всякаго читателя.

Въ виду вышеуказанныхъ достоинствъ въ сочиненіи священника Нечаева Учебный Комитетъ находитъ возможнымъ допустить это сочиненіе для приобрѣтенія какъ въ семинарскія, такъ и училищныя фундаментальныя библіотеки.

(Изъ журнала Учебнаго Комитета при Свят. Синодѣ.)

Письмо инока Варнавы къ безпоповскому наставнику о томъ, какъ греки и прочіе восточные христіане смотрятъ на русскихъ глаголемыхъ старообрядцевъ.

«Почтеннѣйшій отецъ и прочіе христолюбцы! Вы желаете узнать, какъ судятъ о нашихъ обществахъ восточные учителя? Я скажу вамъ по справедливости, какъ слышалъ не точію отъ православныхъ, греческихъ и прочихъ языковъ учителей, но даже и отъ (учителей) иныхъ религій, армянскихъ и прочихъ: ибо я съ ними имѣлъ разговоры.

«У насъ въ Россіи попривыкли къ тому, что есть пребывающіе совсѣмъ безъ священства: мы живемъ безъ священства, а прочіе уже прислушались къ тому и присмотрѣлись. У насъ верѣдко и женщины дѣйствителями таинъ бывають—и крестятъ, и на духъ принимаютъ, и постри-

гають во иноки, панихиды и погребеніе отправляютъ. Вамъ известна инокиня Варвара, которая была въ Пруссіи: ее еще четырнадцатилѣтнюю дѣвочку заставили совершать крещеніе; —спроси ее, она скажетъ, какъ дѣйствовала, покамѣстъ привыкла: «человѣка два крестила (говорить), такъ «спужавшись и не помнила ничего, —произносила ли слова, «нужныя для таинства, или нѣтъ»... Вамъ еще известенъ инокъ Іоасафъ въ Молдавіи, въ Васлуѣ: тамъ у нихъ, не знаю какъ теперь, цѣлымъ приходомъ женщина управляла, и на духъ принимала, и все прочее за наставника дѣйствовала. Да вотъ, на что знакомѣ вамъ: въ Рѣжицахъ Петръ Ивановичъ, по старости и слабости здоровья, уже мало что можетъ, а все дѣйствуетъ сестра его, —особенно если нужно всторону отъѣхать, все она управляетъ, —такъ со своимъ письменнымъ потребникомъ и разъѣзжаетъ по епархіи. Также на счетъ постриженія, —въ самой даже Москвѣ женщины (инокини) безъ всякаго сумнѣнія постригаютъ. И у насъ въ Россіи ко всему этому привыкли, мы и не дивимся. А въ Греціи и въ прочихъ земляхъ, какъ только станутъ разговаривать и узнаютъ, что у насъ нѣтъ священства и жертвы, и простые мужики и женщины исправляютъ всѣ службы и строятъ тѣмъ, —что наши общества мудрствуютъ, якобы уже 200 лѣтъ, какъ кончились и жертва и священство: то они, Греки, весьма удивляются и говорятъ: «ну, братъ, здѣсь у насъ никто и за христіанъ васъ не признаетъ, вы и не похожи на христіанъ! «Прочія религіи —Римляне, Армяне и другіе, хотя и заблуждаются въ нѣкоторыхъ догматахъ, но всѣ принадлеж- «ности христіанства имѣютъ, и священство, и жертву, и «прочая; а у васъ и подобія нѣтъ христіанства». Къ сему

еще если выслушаютъ мудрованія безбрачныхъ, что нынѣ уже тайны брака нѣтъ, а всѣ сходятся на свободное сожитіе и чрезъ сіе сожитіе міръ наполняется, и прочія вамъ хорошо извѣстныя мудрованія безбрачныхъ: то они, Греки, точію ужасаются и говорятъ: «видно вы не читаете »Евангелія и Апостола и Вселенскихъ Соборовъ уложенія, «и вовсе имъ не вѣруете!»

«Я, признаюсь, больше выставлялъ свои понятія, что Новый Завѣтъ вѣченъ, что священство Христово и жертва вѣчно пребудутъ, якоже Христосъ не умираетъ, тако и священство его не престанетъ, и яко же душа въ тѣлѣ, тако и священство въ мірѣ (кн. Кирил. л. 77 Гавріила Филadelph. о семи тайнахъ), и что мы ищемъ истины: тогда они, Греки, и входили со мной въ разговоръ. А если говорить, какъ говорятъ всѣ безпоповцы, что священство и жертва кончились, церковь пала, и прочее; то они и разговаривать не станутъ. Они не точію вѣрують, что церковь со священствомъ и таинствами пребудетъ вѣчно неодољна, но признають также, что Вселенская Церковь и погрѣшить не можетъ.

«Вотъ, любезные друзья, какъ смотрять на насъ Греки и прочихъ странъ народы. И не такъ они легковѣрны, какъ мы, — имъ непремѣнно докажи отъ Писанія, да чтобъ и съ здравымъ смысломъ было согласно, чего у насъ со всѣмъ не требуютъ. Вотъ, на примѣръ, наши поповцы говорятъ, что у нихъ есть муро. Спроси ихъ: откуда у васъ муро? Отвѣтятъ: Іосифовское, — отъ лѣтъ Іосифа Патріарха остался пузырекъ съ муромъ. И вотъ уже болѣе 200 лѣтъ симъ пузырькомъ мюра довольствовались и довольствуются старообрядцы по всей Россіи, и въ Сибири, и на Кавказѣ

и по заграницами—въ Турціи (Неврасовцы), Молдавіи, Австріи и прочихъ странахъ. Скажи сіе Греку, или иному кому православному: и онъ прямо посмѣется, отринетъ сіе, какъ нелѣпую басню. А въ Россіи нѣкоторые, кажется, и не глупые, изъ поповцевъ, вѣрятъ и принимаютъ за правду, что у нихъ есть муро, да еще Іосифовское! И почему же именно Іосифовское? Развѣ Никонъ, когда былъ еще православнымъ патріархомъ (каковымъ признаютъ его и сами поповцы до внесенія глаголемыхъ новинъ въ книги), развѣ онъ не освящалъ тогда мюра? Да и сколько разъ было освящаемо муро въ церкви послѣ Іосифа до 1666 года, въ который, по общему у насъ мнѣнію, церковь пала и благодати лишилась! Такъ, еслибъ у поповцевъ и могло какимъ нибудь невѣроятнымъ образомъ сохраниться древле-освященное муро, оно все-таки не Іосифовское. А поповцы ничего этого во вниманіе не берутъ и слѣпо вѣрують въ свое Іосифовское муро! Подобно сему, у многихъ поморцевъ хранятся запасные дары для причастія. Спросишь: какіе же это? Отвѣчаютъ: въ Поморіи, въ Даниловомъ монастырѣ соблюдались издревле Іосифовскіе дары; монастырскіе усовѣтовали,—растворили квашню, развели въ ней тѣ Іосифовскіе запасные дары, испекли хлѣбъ, разрѣзали на мелкіе кусочки и высушили. И вотъ теперь у многихъ поморцевъ хранятся порядочные кусочки такого причастія! Даже и въ Австріи многіе безпоповцы хранятъ какіе-то сухарики и говорятъ, что это причастіе. Въ прошломъ году одному больному безпоповцу, Австрійскому жителю, я сталъ говорить: «вотъ, дядюшка, вы нездоровы, и таинства причащенія у насъ нѣтъ; а Христось сказалъ, что «кто не причащается, живота вѣчнаго не наслѣдуетъ (Ев.

«Іоан. зач. 23): такъ ты о семъ хотя имѣй желаніе и со-
«крушеніе».—Больной отвѣчалъ: «нѣтъ, отче; у насъ мно-
«го есть причастья; мы причащаемся».—Я усумнился и
«говорю: «да развѣ ты поповскій?»—«Нѣтъ, говоритъ,—я
«безпоповскій; только у насъ много запасныхъ даровъ дре-
«внихъ». Сему и подобному Грека, даже простолюдина, не
скоро убѣдишь повѣрить; а наши легковѣрны, всякую бас-
ню, какую имъ скажетъ наставникъ, принимаютъ за правду...

Инокъ Варнава.

1871 г. 5 апрѣля.

(Современная Лѣтопись. 1871 г. № 14).

СОДЕРЖАНІЕ: О книгѣ подъ названіемъ: «Божественная литургія». Письмо инока Варнавы къ безпоповскому наставнику.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ два раза въ мѣсяць—
1 и 16 числа. Цѣна годовому изданію, въ Редакціи 4 р., а съ до-
ставкою на домъ въ г. Вяткѣ 5 руб. и съ пересылкою 5 р. (60 к.
за пересылку и 40 к. за упаковку, бандероль съ печатнымъ адре-
сомъ и проч.). Подписка принимается въ Редакціи сихъ Вѣдомо-
стей, въ зданіяхъ Вятской Духовной Семинаріи.

Редакторъ, Инспекторъ семинаріи, протоіерей *Теодоръ Кибардинъ*.

Дозволено цензурою. 22 іюля 1871 года.

Скоропечатня Анисимовыхъ и Блиновой въ Вяткѣ.